

МУДРОСТЬ ДУШИ

Евгений Лазарев, выбрав для своего дебюта в качестве главного режиссера Драматического театра на Малой Бронной инсценировку рассказа Б. Васильева «Вы чье, старичье?», шел на очевидный риск.

Не всякая проза тяготеет к театральному воплощению — в данном случае она сопротивлялась отчаянно. Это доставляло немало лишних забот постановщику, который впервые работал с артистами не только одаренными, но и воспитанными в определенной художественной вере, что создавала прежний творческий облик коллектива.

Не всякая проза на подмостках органично сохраняет свое художественное совершенство, безупречность смыслов и акцентов — литературное произведение, разыгранное живыми людьми, может нарушить значения, авторами не предусмотренные, непредсказуемые даже. Так что и с этим приходилось считаться Е. Лазареву, писателю Б. Васильеву и артистам, с которыми новый главный режиссер решил поставить свой первый спектакль.

Вряд ли Е. Лазарев не понимал всех названных и неназванных, приходящих обстоятельств. Но, видно, очень уж ему захотелось поделиться со зрителями своим пониманием истории о деду Глушкове, «созерцателе», приехавшем в город к вдове своего сына — Зине и внуку Славику, которые отправились потом на Север.

Хотелось ему рассказать со сцены и о другом старике, Багориче, что жил со своей внучкой Валентиной. И о том, как приютили они деда Глушкова. Как два старика решили податься в деревню к Нюре, она звала деда Глушкова к себе, когда дед Глушков овдовел, и как дочь Нюры воспротивилась этому.

Лазарев решил воочию увидеть, как дед Глушков и Багорич сидят на вокзале, ошарашенные внезапной брошенной фразой: «Вы чье, старичье?», и как счастливо заливается внучка Валентина вместе со своим Андреем, отыскав деда Глушкова и деда Багорича в вокзальной суматохе.

Режиссер захотел поставить спектакль о человеческом достоинстве, не

измеряемом материальным достатком, и о святой потребности любви к ближнему, без которой мертва душа. О способности расслышать заботу и боль другого и ответить на нее в простом, немудрящем, казалось, житейском поступке, воплощая высокие законы нашего социального бытия.

Б. Васильев взялся сам написать пьесу по своему рассказу — случай нечастный в театральной практике. Обычно эту работу делает либо режиссер, либо специально приглашаемый человек, который нередко жертвует авторским стилем во имя театральности. Васильев авторским стилем жертвовать не стал — и это справедливо. Он попытался сохранить в пьесе черты эпического сказания, окрашенного мудрой иронией, что сообщали его рассказу значительность и одновременно некоторую отстраненность от мелочной житейской достоверности.

Б. Васильев не изменил принципам прозаического повествования и в пьесе, но авторская интонация, вбирившая в рассказе высокое и низкое, патетику

и иронию, фарс и трагедию воедино, по-настоящему сохранилась лишь в тексте лица от автора (его играют попеременно А. Грачев и Г. Мартынюк). В остальном художественное единство прозы распалось, обнаружив несколько различных пластов, сложно соединяемых в целое на театральных подмостках.

Патетика сцены расстrela большевика (В. Платов) в годы гражданской, что навсегда запала в душу деда Глушкова, и откровенно фарсовое появление Нюриной дочки Верки (Е. Дурова), которая работала в деревне на почте и отбила деда Глушкову ложную телеграмму о смерти матери. Гротесковая пара, соседи Глушкова (Е. Смирнова и В. Лакирев), ожидающие приобщения семейства и дедовой смерти, ибо это позволит занять его комнату, и полный драматизма образ Зины (А. Антоненко-Луколина), желающей обрести счастье и уезжающей на Север. Даже в рамках одной роли драматург предлагал разножанровый подход: комедийная эксцентрика продащицы Лидии Павловны

(Т. Кречетова) в сценах ее с милиционером Валерием (И. Шабалтас) — и неожиданная исповедальность в разговоре с дедом Глушковым.

Забывая о сохранении смысла, сути, Б. Васильев перенес свою прозу на сцену почти дословно: об образном решении должен был позаботиться театр. Впрочем, при всех издержках инсценировки сохранилась в ней подлинная боль за человека и восхищение им во многом благодаря тому, что многоцветный, калейдоскопический мир драмы Б. Васильева соединяли воедино два замечательно написанных образа: дед Глушков и дед Багорич.

Режиссер стремился придать драматургическому материалу театральную образность, добивался стилистического созвучия исполнителей, но в то же время явно отдавал себе отчет в том, что судьбу спектакля решат два артиста, назначенные им на главные роли: А. Дуров и С. Соколовский.

И он не ошибся в выборе. Дуэт благостного, «солнечного» деда Глушкова (А. Дуров), обострен-

но совестливого, не позволяющего себе даже хлопотать о военной пенсии, хотя ему, фронтовику, она положена, и беспричинно шумного, жадного до жизни Багорича (С. Соколовский) покоряет не мастерством актеров, здесь этого было бы мало, но их внутренним светом.

Не только сострадание наше вызывают два эти старика, но и восхищение. Их человечностью, произрастающей в обыденности, их добротой, участливостью, мудростью понимания. И не потому только разыскивает стариков Валентина (А. Бабенко), исполненная радостных сил внучка Багорича, и ее Андрей (Е. Тертеров), что не хотят, не могут дать пропасть старикам, но потому еще, что привнесут эти два человека в их жизнь высшую ласку, высшую отзывчивость, высшую доброту.

Не о том только Е. Лазарев ставил спектакль, что надо воздать старикам положенные им почет и уважение, хотя эта тема наличествует и в пьесе, и в постановке, но и о том, что лишь в заботе друг о друге люди становятся людьми. О свете человечности.

М. ШВЫДКОЙ.

Вег. Москва, 1985, 20 января